

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Вопросы истории,
международных отношений
и
документоведения

Выпуск 7

Сборник материалов
Российской молодежной
научной конференции

Издательство Томского университета

2011

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

И.Е. Беспятова

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА МОНАРХА В ГЛАЗАХ ПОДДАННЫХ НА ПРИМЕРЕ ГЕНРИХА III ВАЛУА

Исследуются изменения народных представлений о королевской власти в ходе религиозных войн во Франции.

Ключевые слова: *Генрих III Валуа, XVI в., Франция, религиозные войны.*

Фигура Генриха III Валуа – одна из самых трагических и противоречивых во французской истории. Его судьба была нелегкой – ему выпало править Францией в тяжелый период религиозных войн. Это был монарх, чрезвычайно не похожий на своих предшественников. Ему были уже не свойственны черты короля-рыцаря, которые мы легко находим у его отца – Генриха II и у его деда – Франциска I. Воспитанный как абсолютный монарх и имеющий за плечами двухгодичный опыт правления в Польше, Генрих Валуа уже не чувствовал себя просто первым дворянином Франции. Он считал, что имеет полное право распоряжаться судьбой страны в соответствии лишь со своей волей и по своему желанию, ибо корона получена им по праву рождения и власть его освящена Богом.

Генрих жил и правил с ощущением не просто «вседозволенности», но и «всеоправданности» своих действий. Это подкреплялось и необычайной популярностью в первые годы царствования его фигуры в народной среде. В памяти французов еще живы были воспоминания о славных победах католического войска под началом принца Генриха над гугенотами, одержанные при Жарнаке и Монконтуре. В те дни молодого принца любили в народе, пожалуй, куда больше, чем короля Карла IX. Поэтому Генрих III был долгожданным монархом, от него ожидали прекращения гражданской войны.

Но шли годы, а война не прекращалась. Народные чаянья также сходили на нет. Широта действий короля была существенно ограничена реалиями гугенотских войн, развернуться душа монарха могла лишь при собственном дворе, который, правда, был им организован как королевство в миниатюре: четко структурированное, регламентированное и живущее только в соответствии с волей правителя. Но вот сплотить вокруг себя французский народ, вывести его из пучины гражданской войны этот король не смог. Французы не увидели в Генрихе III привычный им образ сильного и мудрого отца, того короля-рыцаря, который с варварских времен выступал знаменем нации и, находясь впереди войска, вел его на врага. Генрих, хоть и отличился в юности на поле брани, все же не соответствовал этим представлениям.

Народ, в массе своей, не понимал тех кокетливых форм самовыражения, к которым был склонен правитель. Он любил карнавалы, балы и маскарады, ценил литературу, поэзию и театр. И если это было в какой-то степени доступно пониманию простых людей, то вот восторженная любовь Генриха к маленьким собачкам и детским играм вроде бильбоке – игра, в которой нужно подцепить мячик острым концом или изогнутой палочкой, вызывала недоумение.

Генрих был королем совсем иного склада, чем его предшественники – это король Нового Времени, новой эпохи – светлой и просвещенной, а вот его народ (а это в основном крестьяне) был еще народом Средневековья, с его прямолинейностью и еще феодальными представлениями о чести, долге и достойном поведении. Таким образом, возникло явное непонимание между правителем и подданными, усугубленное бедственным положением Франции, раздираемой на части католиками и гугенотами.

По мере нарастания кризиса в стране недовольство правителем принимало все более четко выраженные формы: повсюду распевали памфлеты, очерняющие короля; набирала силу Католическая Лига, во главе с герцогом Гизом; протестанты набирали союзников; а вот ряды защитников монарха таяли на глазах. Они составляли *«две или три сотни гвардии, несущей охрану Лувра, прево дворца со своими людьми, начальник городской стражи, да прево Арди – вот и все силы, которые могут помочь королю в Париже»* [1. С. 7].

Но, при все при этом, король Генрих для французов, безусловно, был помазанником божьим, чьи права на престол были неоспоримы. Даже в самые критические моменты истории государства, когда из-за социальных бурь и невзгод чаша народного терпения грозила переполниться, фантазии подданных не шли дальше предложения постричь августейшую особу в монахи. Никто и не помышлял об умерщвлении суверена.

Генрих Валуа обладал повышенной нервной чувствительностью, слабым здоровьем. Его бездетность и переживания из-за морального упадка раздираемого гражданской войной королевства привели его к глубокой набожности. Стремление открыто демонстрировать свое благочестие, имевшее и политическую подоплеку, желание придавать всему какой-то мистический блеск побудили его примерно до 1587 г. принимать участие в религиозных процессиях. Но в искренность католической веры короля в народе верили все слабее, зато слухи о его союзе с протестантами разрастались с нешуточной быстротой. Наиболее радикально настроенные католики поговаривали, что *«им хорошо известно, что на самом деле король поощряет короля Наварры и с этой целью отправил к нему д'Эпернона, дабы передать в виде займа сумму в 200 тыс. экю для продолжения войны с католиками»* [1. С. 6] или *«что король уже сговорился с гугенотами, и посему они выступают одни,*

чтобы начать игру и разделить с королем, не полагаясь ни на принца, ни на руководителей, ни на Совет [Лиги], но лишь на самих себя» [1. С. 13].

Король своими действиями (а зачастую – бездействием) настроил против себя почти всю страну. В итоге среди парижан в 1585 г. созрел заговор против сюзерена. Хотя следует сказать, что большинство заговорщиков составляли маргинальные элементы общества, ведомые, скорее желанием пограбить, пользуясь неразберихой. И опять-таки не шла речь об убийстве короля – монастырь, вот что его ждало! Во Франции не было традиции убивать королей. Сакральный страх перед королевской властью был еще очень силен. Даже лигеры трепетали перед королем, до последнего опасаясь, что он раскроет все их коварные замыслы и арестует.

Все изменило убийство лидера французских католиков – герцога Гиза – по прямому указанию Генриха III. Раньше на короля роптали, но все же продолжали признавать его власть. Да, Генрих был странен и непонятен своим подданным. Да, он не дал стране наследника, навлек на нее множество бед, истощил ее ресурсы. Но он оставался Королем. Народ мог бунтовать, но он бунтовал, скорее, против режима и политики, а не против особы монарха, которая испокон веков была священна.

Теперь же ситуация изменилась коренным образом. Убийство Гиза стало для короля своеобразной «точкой невозврата», когда уже ничего не может исправить ситуацию и вернуть все на круги своя. Имидж монархии был дискредитирован полностью. Династия Валуа потеряла легитимность в глазах народа. 2 августа 1589 г. Генрих III Валуа был убит монахом Жаком Клеманом.

Неприятие культурных образцов, по которым пытался строить свой властный облик Генрих III Валуа, закономерным образом привело к возникновению тираноборческих настроений во французском обществе. Убийство герцога Гиза стало поворотным пунктом, взмутьившим и католическую партию, и нейтрально настроенных людей. Это деяние короля хоть и не послужило качественным переломом в отношении подданных к своему правителю, но стало сильным катализатором процесса десакрализации королевской власти.

Литература

1. Пулен Николая. Донесения агента-двойника. М., 1992.

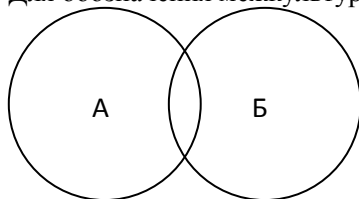
Р.Р. Гильминтинов

«ЗАПИСКИ У ИЗГОЛОВЬЯ» СЭЙ-СЕНАГОН В КОНТЕКСТЕ ХЭЙАНСКОЙ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Анализируется текст Сэй-Сенагон с использованием семиотической методологии М.Ю. Лотмана. Ставится также вопрос о правомерности выделения особой знаковой системы Хэйанской культуры.

Ключевые слова: семиотика, Сэй-Сенагон, эпоха Хэйан.

Для обозначения межкультурной коммуникации М.Ю. Лотман предлагает следующую условную схему:

В ситуации непересечения А и Б общение предполагается невозможным, полное пересечение (идентичность А и Б) делает общение бессодержательным. Таким образом, допускается определенное пересечение этих пространств и одновременно пересечение двух противоборствующих тенденций: стремление к облегчению понимания, которое будет постоянно пытаться расширить область пересечения, и стремление к увеличению ценности общения, что связано с тенденцией максимально увеличить различие между А и Б [1. С. 14].

Важно заметить, что в роли семиотической системы выступать могут не только языки лингвистические, но и любая другая система с определенным набором символов и присущих им смыслов. Одни семиосистемы включаются в другие, взаимопроникают, создают сложные над- и подсистемы, поэтому каждый текст является частью сразу многих языковых систем.

Для рассмотрения «Записок у изголовья» Сэй-Сёнагон естественным представляется выделить следующие системы как структурообразующие:

- 1) корпус дальневосточных культур (Индия, Китай, Корея, Япония);
- 2) японская национальная культура;
- 3) аристократическая культура Хэйан;
- 4) личная культура Сэй-Сёнагон.